

Айрапетян М.С.,
директор Центра малого и среднего бизнеса
Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ЦИКЛИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ

Лекция¹

Аннотация:

Рассматриваются актуальные проблемы денежно-кредитной политики и сложности реализации антикризисной политики в России, запаздывание с применением мер по стимулированию экономического роста в России. Обосновывается переход мировой и российской экономики с 2015 г. в новую, предкризисную парадигму развития, необходимость выстраивания в ближайшие 4-5 лет предкризисной экономической политики России.

Ключевые слова:

Денежно-кредитная политика России, мировой экономический цикл структурная революция, предкризисная экономическая парадигма и политика.

Основные тезисы:

- В дискуссиях по денежно-кредитной политике России проблема должна состоять не просто в выборе между двумя предельными концепциями выхода из кризиса и генерирования оживления – между концепциями "количественного ужесточения" и "количественного смягчения", а также между концепциями первоочередности институциональных реформ и стимулирования экономического роста безотносительно к этим реформам. Проблема гораздо глубже и имеет долгую историю, это – как минимум, 200-летняя «проблема развития капитализма» в России – в рамках Российской империи, СССР и современной России.

- Главный недостаток антикризисных концепций России состоит в локальной трактовке проблем преодоления кризиса и оживлении экономики – вне контекста мировой экономики и мировых экономических циклов. Эти проблемы не могут быть решены без выявления глобальной роли банков и денежно-кредитной политики России на всех уровнях управления в формировании переломных точек циклов, в генерировании кризиса и оживления. Поэтому ответственность

---

¹ По материалам статьи в журнале «Проблемы теории и практики управления». № 8, 2016

российской банковской системы и экономической – денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России имеет не локальный, а глобальный характер.

- Время для применения в России стимулирующих мер для роста экономики прошло. Складывающаяся в мире новая – предкризисная экономическая парадигма – это и есть новая экономическая модель развития для России на ближайшие 4-5 лет. Такая политика должна подготовить российскую экономику к мировому экономическому спаду 2020-2032 гг. От качества такой подготовки будут зависеть глубина спада в России, возможности нового экономического роста с 2032 г. в рамках нового мирового экономического цикла. Для России – это новый шанс для экономического развития во всех его позитивных проявлениях.

Направления дискуссии о денежной-кредитной политике России

В современных дискуссиях в области денежно-кредитной политики России речь идет, преимущественно, о манипулировании некоторым стандартным набором макроэкономических показателей – ставкой банковских кредитов и уровнем инфляции, объемами инвестиций и монетизации экономики. В итоге, рекомендации по выходу из кризиса и оживлению экономики России сводятся, как правило, к (в большей мере) политическому выбору между увеличением или снижением тех же показателей – ставки банковских кредитов и уровня инфляции, объемов инвестиций и монетизации экономики. При этом стараются избегать теоретических конструкций, полагая, что проблема заключается в практической плоскости. Такой подход правомерен, но лишь до определенной степени.

На самом деле, истоки современных проблем в экономике России концептуальны – они находятся не в практике, а в теории. В дискуссиях по денежно-кредитной политике проблема должна состоять не просто в выборе между двумя предельными концепциями выхода из кризиса и генерирования оживления. А именно – между концепциями "количественного ужесточения" и "количественного смягчения" бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, а также между концепциями первоочередности институциональных реформ и стимулирования экономического роста безотносительно к этим реформам. Практическое

и теоретическое обоснование можно подвести под все эти концепции, и именно в этом – главная причина безрезультативности таких дискуссий.

Проблема гораздо глубже и имеет долгую историю, это – как минимум, 200-летняя «проблема развития капитализма» в России – в рамках Российской империи, СССР и современной России. Поэтому главный недостаток указанных концепций, как и чисто практического – прагматического подхода к проблемам экономики России, состоит в локальной пространственно-временной трактовке этих проблем. А именно – вне контекста мировой экономики и мировых экономических циклов, попыток автономного, в рамках национальной экономики и локальных колебаний, решения проблем, имеющих глобальный характер. В этой связи, в принципе невозможно выделить главную причину кризисной ситуации в экономике России. Это – целый комплекс негативных обстоятельств.

В России сложность реализации этих процессов связана с рядом негативных сдерживающих условий. Прежде всего, с изначально низким уровнем биржевой и банковской систем, малыми объемами и деформированной структурой ссудного капитала (с отсутствием крупных долгосрочных кредитных ресурсов и высокой долей краткосрочной ресурсной базы банков – при доминировании иностранных кредитов и займов), с высоким уровнем инфляции, высокими нормами ссудного и депозитного процента. И поэтому – с малыми объемами биржевого оборота, с низкой (с поправкой на высокую инфляцию) капитализацией фондового рынка, со слабым механизмом перелива фиктивного капитала в реальный капитал (как и текущей прибыли, а также накопленных резервов). В совокупности с доминированием монополистических тенденций, это вызывает нарушения воспроизводственных процессов и "перманентный" кризис в экономике.

В таких условиях, по прогнозам финансово-экономического блока Правительства и Банка России, рост в экономике России на уровне 2-3% откладывается, как минимум, до 2017-2018-2019 гг., связывая его с будущим ростом мировой экономики. Но такое связывание дезавуируется, с одной стороны, ростом дезинтеграции с Западом, но актуализируется, с другой стороны – с расширением интеграции с Востоком, прежде всего, с Китаем. Причем, во всех случаях

– без долгосрочной экономической программы. Однако в таких условиях будет весьма затруднительным поддержание Россией (с объемом ВВП около 2 трлн. долл. и численностью населения около 145 млн. человек) долгосрочного стратегического баланса между США, ЕС и Китаем (с объемами ВВП около 17 трлн. долл. и численностью населения около 320, 500 и 1400 млн. человек).

Во всех случаях, проблема преодоления кризиса и оживления экономики России не может быть решена без выявления не только локальной, но и глобальной роли банков и денежно-кредитной политики на всех уровнях управления – на корпоративном, государственном и транснациональном, в формировании переломных точек таких циклов, в генерировании кризиса и оживления. Соответственно, ответственность российской банковской системы и всей экономической политики России также имеет не локальный, а глобальный характер.

Мировой экономический кризис 2007-2011 гг. и экономика России

Проблема российской экономики состоит в чрезмерной зависимости от мировой экономики, экономики развитых стран, особенно – в области финансовых операций, инвестиций и технологий. Поэтому очевидно, что денежно-кредитная политика Федеральной резервной системы США и Европейского центрального банка, более того – бюджетно-налоговая политика этих стран (особенно – долговая) последних лет (в целом – политика "количественного смягчения", снижения процентных и налоговых ставок), негативно повлияла на экономику России.

Это стало одной из главных причин масштабного оттока капитала из России в 2014-2015 гг. – на фоне роста процентных ставок, обесценения национальной валюты, долларизации депозитов и покупки иностранной валюты, сложностей погашения внешней задолженности российскими корпорациями при ограниченной возможности ее рефинансирования, особенно – долгосрочного.

На эти процессы накладываются и секторальные санкции в отношении России. Однако такие санкции следует рассматривать не просто в контексте весьма спорного тезиса о "возможностях импортозамещения", а значительно шире – в

контексте очередной циклической смены парадигмы экономического развития, роста экономической и политической глобализации и усиления конкуренции за мировое богатство (с сопровождающими их геополитическими сдвигами). Это ведет к усилению конкурентного давления на Россию со стороны стран ЕС, Китая и США, прежде всего со стороны транснациональных корпораций.

Смена парадигмы экономического и политического развития произошла в ходе "структурной циклической революции" 2007-2011 гг., ошибочно трактуемой в мире и России как "мировой экономической – финансовый кризис" (Рис. 1-4). В реальности, произошло завершение периода оживления 2003-2007 гг. мировой и российской экономики в рамках мирового экономического цикла 1999-2032 гг. Такая революция стала кризисом не только мировой экономики, но и мировой политики – синхронным экономическим и политическим кризисом. И это не случайно – синхронность экономических и политических циклов является принципиальной особенностью циклической концепции развития, и такая синхронность стала одной из главных причин "кризиса" 2007-2011 гг. Любые оценки и прогнозы мировой, в том числе российской экономики, вне таких синхронных циклов, являются искаженными и не отражают картины реальности.

Сравнительно-исторические циклические колебания макроэкономических и денежно-кредитных параметров²

(среднемировые – среднероссийские³ предельные значения)

	34-летний мировой экономический цикл								
	Нижнее равновесие	Оживление	Структурная революция	Подъем	Верхнее равновесие	Кризис	Научная революция	Депрессия	
4,3-летние деловые циклы	1999-2003	2003-2007	2007-2011	2011-2015	2015-2020	2020-2024	2024-2028	2028-2032	
	1964-1968	1968-1973	1973-1977	1977-1981	1981-1985	1985-1989	1989-1994	1994-1998	

² Периоды, даты и тренды параметров имеют иллюстративный характер

³ Без учета отклонений от среднемировых значений параметров (в частности, в 2012-2015 гг.)

Рис. 1. Валовый внутренний продукт, денежная масса, капитал (собственный и заемный), издержки, прибыль, доходы, накопления, инвестиции, производительность труда, срок окупаемости капитала, конкуренция по прибыли

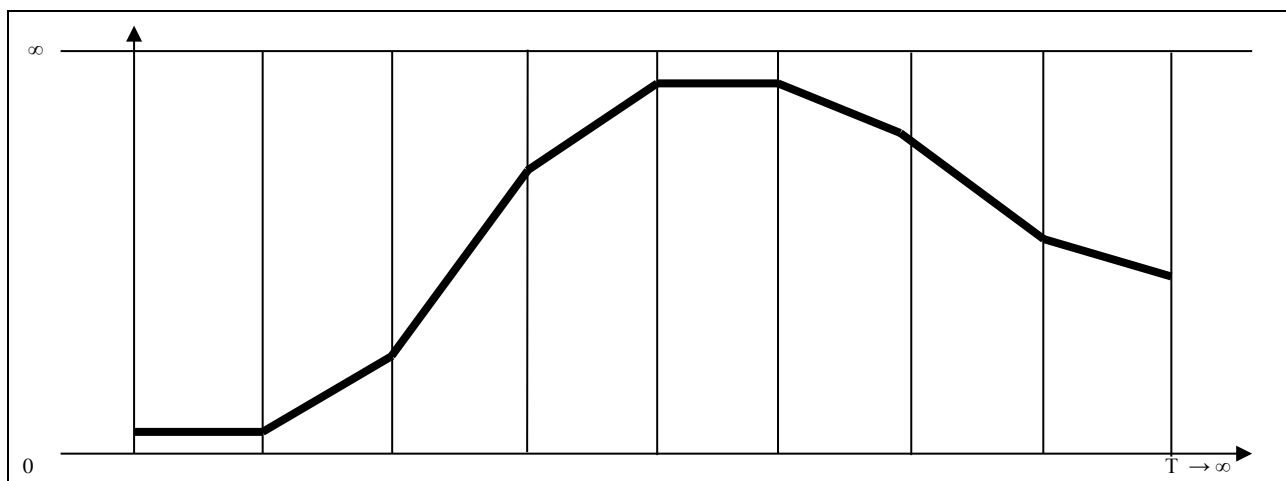

Рис. 2. Капиталоотдача, скорость оборота денежной массы, покупательная способность денег, соотношение производительного и непроизводительного капитала

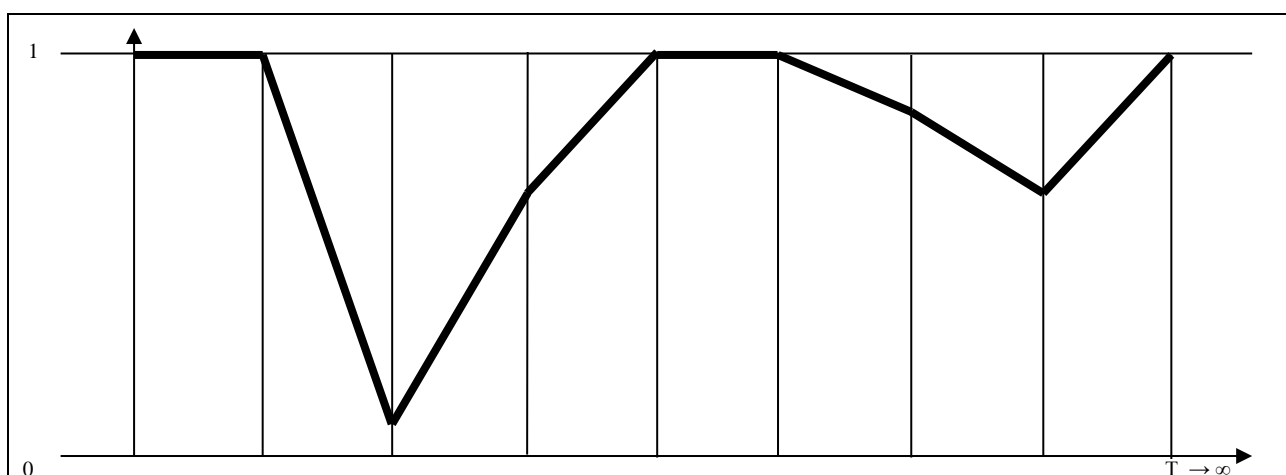

Рис. 3. Соотношения номинальных и реальных параметров, монополия, спекуляция, дифференциация доходов, денежная эмиссия, активность денег, инфляция, фиктивный капитал, чистые резервы

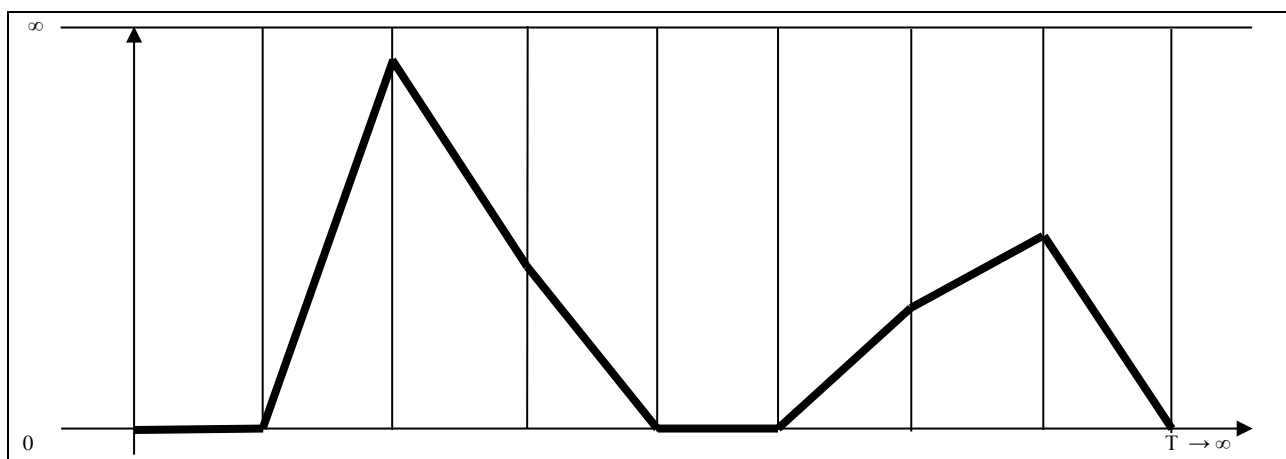
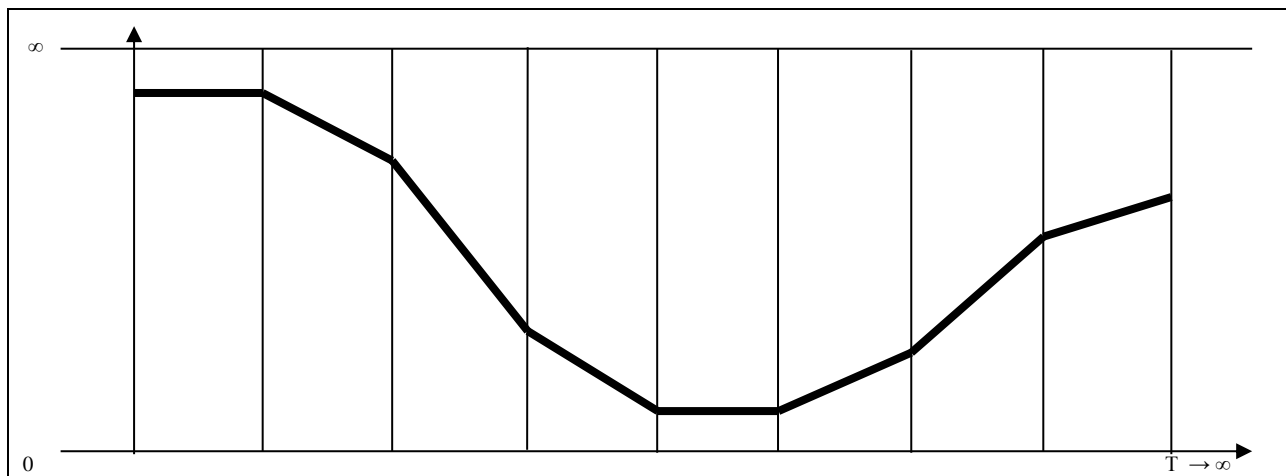

Рис. 4. Соотношение заемного и собственного капиталов, конкуренция по издержкам, норма прибыли, ссудный процент, сравнительные цены на товары и услуги

«Мировой кризис» 2007-2011 гг. привел к началу синхронной экономической и политической модернизации (как прогрессивной или регрессивной адаптации к текущей ситуации) на мировом пространстве экономики и политики (и геополитики) с 2011 г. Как обычно в мировой истории – с наиболее уязвимой и узловым его точки – североафриканского и ближневосточного регионов.

В экономическом (и сопровождающем его политическом/геополитическом) контексте такая модернизация обозначила кардинальное изменение условий развития мировой и российской экономики: исчерпание лучших, экстенсивных и включение в оборот худших, интенсивных факторов развития, снижение уровня дифференциации и формирование средних значений экономических параметров. Иначе говоря – усиление конкуренции и сокращение монополистических и спекулятивных операций на товарных и фондовых рынках, объемов биржевых операций, фиктивных ("бумажных") доходов, увеличение средних и поэтому – числа слияний и поглощений (банкротств) крупных и мелких предприятий.

«Кризис» разрушил парадигму оживления мировой экономики 2003-2007 гг. и сформировал с 2011 г. новую общемировую тенденцию, направленную на сокращение сложившегося в период оживления разрыва между фиктивным и реальным капиталами, на изменение в структуре активов и пассивов, в том числе

инвестиций. С одной стороны, на уменьшение завышенных косвенных инвестиций в фиктивный капитал, с другой стороны – на увеличение заниженных прямых и долгосрочных инвестиций в реальный капитал, в том числе за счет резервов, созданных в период оживления (в России – достаточно крупных, но так и не задействованных в процесс изменения структуры инвестиций).

Таким образом, сформировавшаяся в 2011 г. новая общемировая тенденция была направлена на преодоление существенно (и вполне объективно) выросшей в период оживления 2003-2007 гг. дифференциации в доходах, денежной активности (в части ее фиктивной, спекулятивной составляющей), доминанты сферы обращения (банковских и торговых операций) над сферой производства. Такие процессы – как мировые циклические тренды – и стали определять развитие мировой экономики с 2011 г. Именно такая структурная перестройка воспринималась как кризисная, а в условиях экономики России – как особо кризисная (с наиболее сильным спадом валового внутреннего продукта, с падением объемов инвестиций, ростом процентных и налоговых ставок, обесценением национальной валюты). Соответственно, из этого делались ошибочные выводы.

Смена парадигмы мирового экономического развития

В философском контексте «структурная революция – кризисная ситуация» 2007-2011 гг. стала результатом чрезмерного разрыва, особенно, в России, между виртуальностью и реальностью, формой и содержанием. В прикладном контексте – между реальной и фиктивной экономикой и политикой, реальными и финансовыми (в том числе фиктивными) инвестициями, спросом и потреблением. Сложность решения дихотомии "реальные – номинальные (экономические, политические) параметры", как одной из главных задач в мировой истории – одна из главных проблем России (ранее – СССР и Российской империи).⁴

---

⁴ Истоки такой дихотомии находятся в структуризации еще Аристотелем в IV в. до н.э. хозяйства на "естественное" и "неестественное – денежное", экономику и хрематистику, противопоставление которых продолжалось до XV-XVI вв. – начала модернизации в Европе и доминирования "хрематистики", в целом – денежного (кредитного) хозяйства. Практически

Практический контекст решения такой дихотомии связан не просто с выявлением первичности финансового (банковского, биржевого) и реального секторов экономики, а с выявлением опережающих и отстающих параметров и секторов. Иначе говоря, с решением главной проблемы экономических циклов – выявлением поворотных точек в экономическом (и политическом) развитии, и поэтому с выбором сфер экономической политики и регулирования.

В целом же необходимо учитывать, что финансовый (в том числе фиктивный, спекулятивный) сектор связан, скорее, с началом роста, чем спада в экономике. Как бы это ни парадоксально и не противоречит «принципам справедливости», все фазы оживления в экономике (начиная с конца XVIII – начала XIX вв.) начиналось с всплеска финансовых, банковских и биржевых спекуляций, так или иначе – рискованного капитала. Иначе говоря, первопричиной начала экономического роста являются инвестиции в финансовый (банковский, биржевой) сектор, тогда как экономического спада – инвестиции в реальный сектор.

Так, начало роста экономики связано с опережающим ростом номинальных параметров над реальными – медленным вхождением реального сектора в состояние оживления и быстрым – финансового, и поэтому оживление становится заметным лишь с его активизацией. Напротив, начало спада связано с опережающим спадом реальных параметров над номинальными – быстрым вхождением реального сектора в состояние кризиса и медленным – финансового, и поэтому в начале кризиса сохраняется инертная (самовоспроизводимая) активность этого сектора (как правило – фиктивных инвестиций, спроса и потребления).⁵

вся теория и практика управления в мировой экономической и политической истории, особенно с 1800 г. – начала современного экономического роста и генезиса мировых экономических и национальных политических циклов, исходит из этой дихотомии. Очевидно, усложняясь и наполняясь новыми понятиями в условиях усиления монополий, кризиса национальных государств, перехода к "финансовому (в том числе спекулятивному) капитализму" и роста транснационализации – экономической и политической глобализации, генезиса транснациональных компаний. Эти изменения стали одними из главных причин, а также движущих сил мировых и локальных событий, в том числе войн и революций на протяжении XIX-XX вв.

⁵ Исходная аристотелевская дихотомия в условиях изменений в экономике на рубеже XIX-XX вв. выразилась в американском институционализме. У Т. Веблена – в виде противопоставления двух секторов экономики – "индустриального" и "предпринимательского", материального и финансового (кредитного). Это означало, что именно финансовый сектор "произ-

Таким образом, в поворотных точках экономического цикла – как в нижней, так и верхней – наблюдается "шумовой бум" именно финансового сектора (в первом случае – позитивный, во втором – негативный). Поэтому бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика, государственное регулирование – имеют две разные функции в этих точках. В начале оживления, в нижней точке, регулирование должно быть направлено, с одной стороны, на поддержку отстающего, "пассивно (не само) растущего" реального сектора, а с другой – на сдерживание опережающего, "активно (само) растущего" финансового сектора. Тогда как в начале кризиса, в верхней точке – с одной стороны, на сдерживание опережающего, "активно (само) падающего" реального сектора, а с другой – на поддержку отстающего, "пассивно (не само) падающего" финансового сектора.

Это означает, что антициклическая политика в СССР (прежде всего, в части ограничений в финансовом секторе, в том числе отсутствия вообще биржевого сектора) не могла иметь никакого долгосрочного позитивного результата, связанного именно с периодическим, а не единовременным, генерированием экономического роста. Напротив, такая политика сдерживала развитие. Аналогично тому, как это происходит в современной России, слабость финансового сектора которой является ключевым препятствием оживления экономики, нахождения, нижней поворотной точки – «дна кризиса» и выхода в фазу оживления.

Вхождение экономики России в локальный «долгий кризис»

водит" монопольный и спекулятивный доход, в целом – фиктивный капитал, через рост денежно-кредитного обращения, оборота ценных бумаг и абсентеистской собственности "праздного класса", создания нематериальных активов, превосходящих материальные. У. Митчелл также исходил из дихотомии "реальная – денежная экономика" и обосновывал феномен опережающего значения роста цен и курсов ценных бумаг для начала экономических кризисов. В обоих случаях это означало, что экономические кризисы генерируются финансовыми спекуляциями. Поэтому выход из такой ситуации состоял в замене "финансового капитализма" "технократизмом" и, как следствие этого – в ликвидации экономических кризисов или в смягчении их последствий. Такая замена стала основой русской революции 1917 г., как радикального решения «проблемы развития капитализма» в России, доведенного до абсолюта в рамках формально антикризисной концепции СССР, включающей ограничения на рост денежной массы, цен и инфляции, в целом денежного хозяйства. Как показал опыт, это лишь сформировало «сильный отложенный кризис», который привел к распаду СССР в 1991 г.

Многие современные проблемы России связаны с сохранением по инерции на всех уровнях управления «парадигмы оживления» 2003-2007 гг., ошибочного полагания, что такая парадигма, связанная с доминированием денежных, в том числе фиктивных, параметров над реальными, экстенсивных над интенсивными – это долгосрочная норма. Между тем ведущие экономики мира (США, Китай и основные страны ЕС) вступили с 2011-2012 гг. в «парадигму подъема» 2011-2015 гг. – затухающего, но, тем не менее, экономического роста. Период мирового экономического цикла изменился, изменились и мировые циклические тренды.

В России момент циклической смены в 2007-2011 гг. парадигмы экономического развития был упущен, российская экономика стала входить в рецессию с 2012-2013 гг. (даже в условиях слабого роста, а скорее – импульсивной реакции на кризис 2008-2009 гг.). Между Россией и ведущими экономиками мира образовался «парадигмальный разрыв»: если отклонения от мировых циклических трендов в более развитых странах (в частности, в США – как генераторов такого тренда) оказались минимальными, то в России (как и в других менее развитых странах) – максимальными. Разрыв во многом стал одной из главных причин современных конфликтов в мире, прежде всего – между США и Россией.

Такой разрыв усилился в силу нерациональной и монополистической структуры экономики России – высокой доли сырьевых отраслей и компаний, функционирующих на наиболее волатильных мировых рынках. Ситуация усугубляется в условиях проводимой в России политики "количественного ужесточения" денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики, повышения процентных и налоговых ставок. В целях, как считают ее сторонники, стабилизации экономики и выхода из кризисной ситуации. Последняя мера в этой области – «заморозка» бюджетных расходов до 2019 г., увеличит такой разрыв и усилит рецессию в экономике России, выход из которой отложится на длительный срок.

При этом включение экономики России в современные мировые тренды – а это ключевое условие повышения ее доли в мировой экономике, качества человеческого капитала (образования, здравоохранения) – потребует больших усилий, чем это потребовалось бы в "нормальных условиях". А именно – достаточно

резких и крупных изменений в системе прямого и косвенного государственного управления, в системе государственной собственности, в структуре и объемах доходов и расходов государства, структуре и объемах денежной массы – для целенаправленного нарушения старых и формирования новых условий и пропорций воспроизводства. По двум ключевым "зеркальным" направлениям.

Во-первых, в направлении деактуализации фиктивных ресурсов – исключения из экономики внутренних и внешних фиктивных (бумажных, непроектируемых и экстенсивных) ресурсов, капиталов и доходов, спроса и потребностей, а также объектов и субъектов инвестирования. В том числе посредством их обесценения (обнуления, минимизации значения), снятия правовой ответственности за их использование через деактуализацию этих ресурсов, капиталов и доходов, а также целевое ухудшение условий их воспроизводства, прежде всего – за счет повышения налогов на осуществление соответствующих видов деятельности.

Во-вторых, в направлении актуализации реальных ресурсов – включения в экономику внутренних и внешних реальных (производительных и интенсивных) ресурсов, капиталов и доходов, спроса и потребностей, объектов и субъектов инвестирования, как и сокращения накопленных резервов. В том числе посредством их адекватной оценки (максимизации значения) и установления правовой ответственности за их использование через актуализацию этих ресурсов, капиталов и доходов, целевое улучшение условий их воспроизводства – за счет понижения налогов на осуществление соответствующих видов деятельности.

Ключевой итог такой политики – кардинальные структурные сдвиги в экономике, переход доминанты экономического развития – от фиктивного (так или иначе – монополистического и спекулятивного) капитала к реальному (производительному) капиталу (с высокой долей научно-технической составляющей). Иначе говоря, к смещению внутренних и внешних ресурсов, капиталов и доходов (накоплений, спроса и инвестиций, резервов) в реальный сектор экономики, к расширению совокупной налоговой базы (росту налоговых поступлений в бюджеты всех уровней и возможностей наращивания расходов). Собственно, в этом и должен состоять каркас новой экономической политики для России.

Основные подходы к антикризисной политике

В современной России (в тех или иных вариациях – в Российской империи и СССР) дискуссии по поводу формирования новой экономической политики, в том числе антикризисных мер исходят из двух основных, апробированных в мировой истории в XIX-XX вв. подходов в мировой теории и практике управления к экономической – бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политике.

Первый из них синтезирован в неокейнсианской концепции, согласно которой наиболее эффективная антикризисная политика – это бюджетно-налоговая, в целом – фискальная политика. Это – основа концепции "политики вмешательства" государства в экономику – прямого государственного регулирования, относительной экономической децентрализации и свободы. В России, как ранее в СССР и Российской империи доминирует именно этот подход.

Второй подход синтезирован в неоклассической концепции, согласно которой наиболее эффективная антикризисная политика – это, напротив, денежно-кредитная, в целом – монетарная политика. Это – основа концепции "политики невмешательства" государства в экономику – косвенного государственного регулирования, абсолютной экономической децентрализации и свободы. В большинстве западных стран, а через механизмы глобализации и транснационализации и во многих не западных странах, доминирует именно такой подход.

На первый взгляд, эти подходы (в пределе – Дж. Кейнса и М. Фридмана) – прямо противоположны, что делает дискуссию по экономической политике бесперспективной. Но их антагонизм является условным, поскольку каждый из них – это современный, более усложненный в современной мировой экономике, вариант классической количественной теории денег, разработанной представителями меркантилизма (Дж. Локком и Д. Юмом в XVII-XVIII вв.) и основанной на "уравнении обмена" – зависимости уровня цен и объемов производства от количества и скорости оборота денежной массы (сформулированной в современном

виде И. Фишером). Различные трактовки этой зависимости и составляют основы практически всех направлений экономической – антикризисной политики.

Однако предмет этой теории – не просто количество денег в обращении. Тем более, в упрощенном, как в России, понимании прямой связи между денежной массой и инфляцией – в контексте утверждений о возможностях снижения инфляции через стерилизацию денежной массы, по принципу "чем меньше денег в обороте, тем ниже уровень инфляции". В таком случае в результате сокращения в 2015-2016 гг. в России доходов населения инфляцию к 2017 г. можно будет снизить не только до запланированных Банком России 4%, но и до 1-2%. Но декларируемая необходимость дефляции в России (в рамках таргетирования инфляции) и снижения вследствие этого процентных ставок для стимулирования инвестиций может привести к замораживанию инвестиций – в силу отсутствия краткосрочного конечного платежного спроса. Для начала экономического роста потребуется весьма длительный период восстановления такого спроса.

В действительности, главный предмет количественной теории денег – это "поддержание постоянно растущего количества денег, которое сохраняет предпринимательский дух нации" (Д. Юм) – принципа, абсолютно недостающего в современной экономической политике России. При этом не имеет значения, поддерживаются ли эффективный спрос и эффективное предложение бюджетными расходами или кредитными ресурсами. Поэтому решение этой проблемы и является главной задачей экономической, в том числе антикризисной политики и неокейнсианского и неоклассического подходов к антикризисной политике.

Различия же, которые имеют место в дискуссиях, связаны с тем, что указанные подходы имеют, на самом деле, разные объекты исследования и поэтому – разные объекты регулирования. Для неоклассического подхода – это, прежде всего, микроэкономические процессы, а для неокейнсианского – макроэкономические. Поэтому основные разногласия между ними – в решении одной из главных проблем экономического развития – в выявлении источников нестабильности, нарушения и восстановления равновесия, генерирования и затухания коле-

баний, эффективности и сферы применения прямого и косвенного государственного регулирования экономики. Фактически – поиск источников переломных точек экономических циклов, а также их механизмов по выходу из них.

Причины неэффективности антикризисной политики в России

Одна из главных проблем экономики России состоит в том, что бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика не обеспечивает реализацию антикризисных мер, которые рекомендуются неокейнсианским и неоклассическим подходами. А именно – проведение экспансивной политики "дешевых и длинных" бюджетных и кредитных средств, увеличения расходов (дефицита) бюджета и кредитных ресурсов банков, снижения налоговых и процентных ставок. Иначе говоря, применение очевидных антикризисных мер, направленных против недо накопления инвестиций и потребления, то есть на их стимулирование.

Напротив, в условиях кризиса в России применяются рестриктивные меры, характерные для последней фазы подъема – "перегрева" экономики: "дорогие и короткие" бюджетные и кредитные денежные средства, высокие налоговые и процентные ставки, сокращение расходов (профицит) бюджета и кредитных ресурсов банков. Это ведет к еще большему спаду инвестиций и потребления, о чем свидетельствует состояние экономики России с 2012-2013 гг. По сути, бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика России не в состоянии обеспечить ни эффективный спрос, ни эффективное предложение для начала экономического роста. Поэтому такая политика должна быть пересмотрена.

Более того, экономическая политика России ведет ко всем негативным последствиям, отмечаемым неокейнсианским и неоклассическим подходами. Главным образом – к искажениям в обеспечении субъектов хозяйствования бюджетными и кредитными деньгами через "создание денег", в том числе фиктивных, государственными структурами, Центральным и коммерческими банками, к их распределению через многоступенчатые и многодепозитарные системы. Это вы-

ражается в длительных лагах в движении денег, в чрезмерных и избыточных государственных и корпоративных обязательствах, и, наконец, в государственной и корпоративной коррупции. Именно поэтому коррупция является одной из главных сдерживающих факторов экономического развития России.

Сложность применения в России антикризисных мер имеет фундаментальные причины, связанные, прежде всего, с отсутствием полноценных объектов экономической политики – с общей "слабостью" государственных и частных секторов экономики. Такая "слабость" скрывает источники нестабильности и кризиса, а также стабильности и подъема, порождая разбалансированность управления, снижая эффективность бюджетно-налоговой и денежно-кредитной, особенно, антикризисной политики, вызывая "ручное управление". Такое управление еще более ослабляет государственный и частный секторы экономики, снижая в долгосрочном периоде их антикризисную устойчивость.

Это означает, что прежде чем применять меры экономической политики, рекомендуемые неокейнсианским и неоклассическим подходами и ожидать их позитивных результатов, в России необходимо в первоочередном порядке создать то, что поддается государственному регулированию – управлению. Иначе говоря – собственно объект прямого и косвенного регулирования – либо сильный государственный сектор, либо сильный частный сектор, либо сильный их симбиоз ("смешанную экономику"). Отсутствие полноценных субъектов и объектов регулирования, более того – обратной связи между ними – практически не оставляет России шансов для выхода из текущего кризиса и смягчения последствий будущих кризисов. Независимо от планируемых темпов экономического роста.

Эффективность государства и «смешанная экономика»

В неоклассическом и неокейнсианском подходах формирование эффективного субъекта управления – главное условие результативности бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики. Поэтому без модернизации государства и

всей системы государственного, корпоративного и транснационального управления и собственности применение предлагаемых этими подходами антикризисных мер и переход к экономическому росту практически невозможны.

Такая модернизация необходима в целях формирования позитивных и негативных ожиданий на бюджетно-налоговую и денежно-кредитную политику в двух системах координат: во-первых, в пространстве – между объектами и субъектами управления, и, во-вторых, во времени – в рамках экономических циклов, между циклами и их фазами. Поэтому – в целях прогнозируемого поведения объектов управления, потребителей и инвесторов на действия субъектов управления, прежде всего, государства, имеющего естественную монополию во многих сферах экономики и политики. В России такие возможности ограничены. Если формирование поведения и ожиданий – одна из ключевых задач экономической политики, субъектов управления, то отсутствие прогнозируемого поведения объектов управления – это очевидно, результат ошибочности такой политики.

Значение эффективного субъекта управления – государства связана также с тем, что в реальности ни одна страна, в том числе Россия (как и ранее – СССР), не формирует антикризисную политику лишь на одном из этих подходов. Напротив – комбинирует предлагаемые ими меры для противодействия экономическому кризису или стимулирования экономического подъема, решений конкретных задач экономического развития. Теоретическими основами такой политики стали с середины XX в. теории конвергенции и неоклассический синтез, направленные на создание "смешанной экономики". Экономики, основанной на сочетании прямого и косвенного регулирования, государственного и частного секторов экономики, и поэтому – достаточно устойчивой к циклическим колебаниям.

Однако, как показывает история мировой, в том числе российской экономики (и, особенно – экономики СССР), ни один из этих подходов, как и их синтез – не в состоянии ликвидировать циклические колебания в экономике. Поэтому – "изъять" из них кризисы или "перескочить" через них, ускорять/замедлять скорость прохождения экономических циклов, в том числе отдельных их периодов

(включая планы СССР по выпрямлению трендов экономического развития). Более того, такие подходы имеют ограниченные возможности – будучи в своей основе прогрессивными концепциями, они проявляют низкие адаптивные способности. Иначе говоря, являются ситуативными, реагирующими либо на свершившиеся, либо непрогнозируемые экономические кризисы и подъемы.

Наконец, меры бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, рекомендуемые неокейнсианским и неоклассическим подходами, являются эффективными лишь при одном условии: относительно точной трактовке и датировке периодов экономических циклов – фаз кризиса и подъема и их поворотных точек. В ином случае (а это условие не соблюдается в полной мере во всех подходах к антикризисной политике, особенно, применяемых в России), эти меры являются абстрактными – поскольку могут применяться в любом из этих периодов. Сложность такой датировки является одной из главных причин отрицания в теории и практике полноценных циклических колебаний в экономике.

Циклические колебания денежно-кредитной массы

В рамках мировых экономических циклов ключевыми являются колебания мирового и национальных богатств – как наиболее адекватных экономических параметров. В этом контексте проблема экономического развития связана преимущественно с проблемой глобальной конкуренции за мировое богатство, с внутренней и внешней конкуренцией за составные части национальных богатств, за механизмы их распределения. Огромные запасы такого богатства в России являются причиной не только жесткой внутренней и внешней конкуренции за их освоение, но и инертности экономики страны. В конечном счете, такая конкуренция связана с конкуренцией резидентов и нерезидентов за внутреннюю и внешнюю денежную массу, ее структурные части – нефинансовые и финансовые активы и пассивы (ресурсы, капиталы и доходы). Инертность экономики России (субъектов и объектов управления) сдерживает изменения в структуре совокупной денежной (кредитной) массы – периодический перелив активов в пассивы и обратно.

В такой конкуренции ключевое значение имеют пассивы – в целом резервное (неоцененное) национальное богатство (в России достигающее огромных размеров), поскольку циклические колебания происходят, прежде всего, именно за счет колебаний денежных пассивов – первичных источников увеличения и уменьшения денежной массы. Такие колебания происходят за счет двух способов.

Во-первых – за счет включения (активизации) денежных запасов в экономику, в том числе через денежную эмиссию – как правило, при входе в фазу оживления экономического цикла. Во-вторых – за счет выключения (резервирования) денежных запасов из экономики, в том числе через денежные рестрикции – как правило, при входе в фазу кризиса. Основу механизма экономического цикла и составляют периодические переходы денежных пассивов в активы и обратно (в конечном счете – структурных частей мирового и национального богатства).

Такие переходы и являются основной целью конкуренции между экономическими агентами. Во-первых, за получение дополнительной денежной массы – при вхождении в фазу оживления (получение "дешевых и длинных денег" по низкой ставке ссудного процента). Во-вторых, за резервирование дополнительной денежной массы – при вхождении в фазу кризиса (резервирование "дешевых и длинных денег" с низкой ставкой ссудного процента). Сложности с проведением таких операций – одна из причин долгого кризиса экономики России.

Необходимо учитывать, что средние циклические тренды, как и ожидания экономических агентов, могут корректироваться неограниченными в целом возможностями автономного государственного прямого или косвенного регулирования объема и структуры денежной массы, в том числе за счет дополнительной денежной эмиссии и денежных рестрикций, расширения и сокращения объемов государственных ценных бумаг и кредитов. Более того, за счет изменения размеров и норм доходов и расходов государства, в том числе налоговых и иных субсидий и льгот, а также изменения цен на государственные, в том числе резервные ресурсы и капиталы. Иначе говоря, государство может выступать, и, как правило,

всегда выступает (особенно в исторической России), в качестве генератора внешних, в том числе резких воздействий на масштабы и динамику экономики, особенно для ее ввода в фазы оживления и кризиса экономического цикла.

Однако следует также учитывать, что увеличение или уменьшение денежной массы (или расходов государства, в том числе через эмиссию или рестрикции) и связанные с этим понижение или повышение процентных (банковских, налоговых) ставок могут иметь иные, чем ожидаемые, результаты. Так, увеличение денежной массы может идти либо на увеличение активной денежной массы, либо на увеличение резервного капитала – пассивной денежной массы.

Во-первых, на увеличение производительного капитала, поэтому – увеличение объемов производства и примененного капитала, снижения уровней цен и инфляции. Во-вторых, на увеличение непроизводительного капитала, поэтому – уменьшение объемов производства и примененного капитала, повышение уровней цен и инфляции. Для экономики России является характерным именно второй канал денежных потоков, сдерживающий рост реальных инвестиций, и поэтому – генерирование экономического роста, оживления экономики.

Иначе говоря, простое увеличение денежной массы (государственных расходов) или понижение процентных (банковских, налоговых) ставок – "политика количественного смягчения" не означает автоматического достижения преследуемой цели – включение механизма экономического роста. Если в результате применения этих мер объемы активного капитала (главным образом – производительного, с высоким уровнем наукоемких технологий) остаются постоянными, как происходит в России (ранее – в СССР), это означает, что такие меры ведут лишь к росту пассивной денежной массы и пассивного капитала. С последующим спадом производства, ростом цен и инфляции. Поэтому эти меры должны сопровождаться созданием механизмов перелива пассивной денежной массы в активную денежную массу, пассивного капитала – в активный капитал.

В преддверии предкризисной экономической парадигмы

Ситуация в мировой и, особенно, российской экономике не является такой простой, как это может показаться на первый взгляд. Если бы это было так, то поддержание экономического роста – при наличии хорошо известных и апробированных мер экономической политики – не составило бы особого труда. Однако дело в том, что историческое время для применения в России стимулирующих мер экономической политики, роста инвестиций, снижения процентных и налоговых ставок прошло. Мировой экономический рост, начавшийся в 2003 г., закончился в 2015 г., мировая и российская экономики (в большей или меньшей мере) вступили в некоторое состояние равновесия 2015-2020 гг. (аналогичное 1981-1985 гг.) – пика мирового экономического цикла 1999-2032 гг.

В ближайшие 4-5 лет ситуация существенно не изменится, но будут усиливаться ограничительные тенденции в экономике: мировая и российская экономики начнут вползать в эпоху сжатия, а именно – циклического мирового экономического спада 2020-2032 гг. (аналогичного спаду 1985-1999 гг.). В рамках такого спада средние процентные и налоговые ставки, норма прибыли в экономике будут расти, объемы денежной массы, инвестиций и прибыли – сокращаться. В целом – будет меняться структура мировой и российской экономики.

Проблема в России состоит в необходимости ускоренного создания в течение ближайших 4-5 лет устойчивых антикризисных институтов, которые позволят смягчить последствия мирового экономического спада 2020-2032 гг., не допустить чрезмерного оттока капитала и трудоспособного населения, не повторить политику прошлых кризисных лет и их катастрофических для России последствий. С учетом этого, а также усиления влияния на эти процессы со стороны мирового спада, России необходима защитная экономическая политика – и тенденция к изоляционизму сейчас "инстинктивно" набирает силу.

Такой "плохой" сценарий – объективный процесс, связанный с особенностями циклического развития экономики, и делающий нереальными в ближайшие 10-12 лет масштабные программы по стимулированию экономическому росту. И не только в России, но и в мире в целом. Складывающаяся в мире новая, а

именно – «предкризисная экономическая парадигма» – это и есть новая экономическая модель развития для России. В то же время, дискуссия, которая ведется сейчас в России, направлена в иное русло – не на поиск путей для встраивания в объективные циклические общемировые тренды, а на сочинение «новой модели экономического развития» (как и ранее в Российской империи и СССР).

Относительно перспектив мирового экономического кризиса после 2020 г. важно учитывать роль и место России в мире. На первый взгляд, 2-2,5% доля экономики России в мировой экономике – совсем немного по сравнению с экономиками США, ЕС и Китая. Однако необходимо исходить из размеров национального богатства России – они крупнейшие в мире. Даже их простое наличие, возможность включения в мировой оборот и выключения из него оказывает решающее влияние на мировую экономику, вхождение кризис и выход из него.

Это означает, что если в течение ближайших 4-5 лет не удастся преодолеть сложившийся "парадигмальный разрыв" между российской и мировой экономикой, восстановить экономику России (что маловероятно, главное – не ухудшить значительно ситуацию, поддержать в этот период некоторое состояние равновесия), то мировая экономика неизбежно войдет в циклический спад после 2020 г. (с различной "глубиной" кризиса для разных стран, для России – особенно). Экономика России "потянет" за собой мировую экономику в кризис (со всеми негативными социальными и политическими последствиями). Поэтому ни одна ответственная страна (ни США, ни Китай, ни страны ЕС) не может всерьез стремиться ухудшить российскую экономику (как бы это не декларировалось).

Предкризисный период 2015-2020 гг. – это ключевой период для формирования 10-12-летней перспективы мировой и российской экономики и политики. Именно в рамках предкризисной парадигмы должна быть осуществлена подготовка к изменению структуры экономики в 2020-2024 гг., к научной революции в 2024-2028 гг. и смене поколений в 2028-2032 гг. От качества такой подготовки во многом будут зависеть глубина и последствия мирового, в том числе российского экономического спада 2020-2032 гг. Главное предназначение такого спада – это подготовка к началу с 2032 г. нового мирового экономического цикла. Для

России – это новый шанс для экономического развития во всех его позитивных проявлениях. И в этом – главное преимущество циклической концепции.

Главная особенность такой концепции состоит в том, что фиксированная 34-летняя длительность мировых экономических циклов, их периодов (4,3-летних деловых циклов) и периодические повторения качественных состояний мировой и локальных экономик (при наличии между ними количественных различий – опережений и отставаний) составляет основу глобального анализа и прогнозирования экономики. Это означает, что увеличение и уменьшение значений экономических параметров (в частности, денежной массы, инвестиций, норм ссудного процента) не изменяют длительность этих циклов, не сокращают и не удлиняют их периоды. Напротив, значения этих параметров, мировая и локальные экономики адаптируются к такому независимому параметру, как время. Сложность такой адаптации – главная причина различий между локальными экономиками.

Очевидно, на мировую и локальные экономики действует огромное количество факторов, в том числе неэкономического (политического и иного) характера. Тем не менее, циклические колебания в экономике (и поэтому – в политике) обладают достаточной силой, формируя их периодичность, чередование периодов роста и спада. Это значит, что в экономике ключевую роль играет детерминированная субстанция – время, превосходящая по силе влияния все другие факторы вместе взятые и обеспечивающая периодический характер колебаний.

Именно невозможность установления контроля над всем множеством эндогенных и экзогенных факторов (в том числе скрытых, а также возникающих и исчезающих), прежде всего – над временем, и создания системы управления им определяют детерминированность мировых экономических циклов и периодические повторения периодов роста и спада мировой и локальной экономики. Хотя такие повторения, особенно периодические повторения кризисов, зачастую неправомерно интерпретируются как случайные, как следствие ошибочной политики или внешних шоков, а во многих случаях – «теорий заговора».

В силу того, что никогда не будет установлен контроль над временем (даже при допущении создания наиболее совершенной системы управления), для любых стран, в том числе и для России, всегда останется возможность для нового начала экономического роста. Ближайшая возможность – с 2032-2036 гг.